

П. В. Врублевская

Православный приход в социологической перспективе: эхо теории в стенах эмпирики

Полина Викторовна Врублевская — магистр социологии, научная сотрудница лаборатории «Социология религии» при Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. **Электронная почта:** pvrublevskaya@gmail.com.

Аннотация: Приход — это самый базовый уровень социальной организации Русской православной церкви и самый значительный, поскольку именно на этом уровне происходит личная встреча человека с религией и, зачастую, именно на этом уровне у человека складывается ощущение собственной причастности к Церкви в целом. При этом в приближении эмпирического исследования из раза в раз приходится сталкиваться с существенными особенностями в том, как устроен и как функционирует каждый конкретный православный приход. В этом смысле весьма остро стоит вопрос социологического описания вариаций в практических наблюдениях.

В этом тексте на основе многолетней исследовательской работы группы «Социология религии», предлагается концептуализация прихода как сообщества, в которой учитывается как принципиально общее, так и вариативно-частное, что делает её применимой для изучения конкретных приходских сообществ и обобщения собранных наблюдений на аналитическом уровне.

Ключевые слова: Русская православная церковь, приход, сообщество, православные общины, community studies

Для цитирования: Врублевская, П. В. Православный приход в социологической перспективе: эхо теории в стенах эмпирики // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 43–57.

Введение

В социологии нет иного образа представления и, что ещё важнее, интерпретации феномена религии, кроме как через её социальную обусловленность. В этом смысле, говорить, например, о «социальном измерении» [Дивисенко и Дивисенко, 2017] религии — избыточно, поскольку исследовательские методы социологии никакого другого измерения не распознают. Социологически, все возможные составляющие религии и религиозности, которые используют исследователи, уже изначально опрокинуты в плоскость социального, а не рядоположны ей. Помимо прочего, это значит, что в социологической оптике индивидуальный религиозный опыт оказывается видимым только через наблюдение процессов социального порядка. Таким образом, ведущая компетенция социолога-исследователя состоит в том, чтобы в предложенных обстоятельствах распознать, в чём именно заключается социальная природа религии и описать её социологически постижимую суть. Успешность подобного исследовательского мероприятия, в свою очередь, всегда обусловлена тем, какие выбраны «оптические приборы» для распознавания тех самых искомых фигур в социальном ландшафте.

Любая исследовательская оптика подразумевает некий язык описания. В данном тексте предлагается один из возможных языков социологического описания религии в современном мире, рассмотренной через призму **сообщества** в дюркгеймианской традиции.

Этот текст подготовлен по результатам научно-практического проекта «Живые сообщества»¹ при поддержке Фонда президентских грантов, в рамках которого на протяжении трёх лет с 2021-го по 2024-й год силами социальных исследователей из лаборатории «Социология религии» при ПСТГУ продолжалось изучение жизни православных приходов в современной России.

Концептуализация в контексте: православный приход в современной России

Ввиду своего исторического положения в России, Русская православная церковь — это многомерный агломерат социально значимых функций, простирающихся от отправления духовных потребностей до социальной заботы о нуждающихся. В силу своего масштаба и тер-

¹ [Электронный ресурс] <https://traditioviva.ru/live-communities.html> [Дата обращения] 01.11.2024.

риториального проникновения — религиозные объекты и священнослужители находятся даже в самых отдалённых уголках страны и на закрытых территориях (тюрьмы, военные части, медицинские и социальные учреждения) — влияние РПЦ на общественные процессы сложно переоценить, но как же распознать и разглядеть это влияние на таком сложном ландшафте?

Следуя за интуицией Эмиля Дюркгейма об «элементарных формах», мы выбираем обратить внимание на базовый уровень социальной организации Русской православной церкви, то есть на приход. Как объект исследования, приход позволяет настроить исследовательскую фокусировку и предметно рассмотреть масштабные социальные процессы в эмпирически-доступном разрешении.

Приход является подходящим объектом эмпирического исследования, поскольку именно в приходской церкви происходит личная встреча человека с религией и, зачастую, именно на этом уровне организации РПЦ у человека складывается ощущение собственной причастности к православию в целом. И более того, даже если человек не приходит к религии сам, Церковь приходит к нему — через другого человека, который уже «внутри» [Забаев и др., 2014].

В этом смысле важно понимать социологически, кто эти «люди в Церкви»: в чём состоит их особый социальный опыт и как он проявляется в том числе вне церковной жизни как таковой? Задаваясь таким вопросом, мы предлагаем исследовать не отдельных людей, складывая их затем в некую условно-консистентную категорию «воцерковленных», но погрузиться в саму церковную среду, то есть исследовать приход в перспективе сообщества.

К живому сообществу

Перспектива сообщества напрашивается для рассмотрения прихода сама собой уже ввиду конвенциональных коллективных представлений: в церковной среде принято говорить о «приходской общине»². К тому же, в социальных науках сложилась плодотворная традиция коммьюнити-центричного подхода к религиозным объединениям [Lovell, 1978; Ammerman, 1997; Miller-McLemore, 2011; VanderWeele, 2017]. Применительно к реалиям Русской православной церкви, приходскую общину исследовали чаще в антропологической традиции [Приход и община..., 2011; Куропаткина, 2013; Кормина, Панченко, Штырков, 2017].

² [Электронный ресурс] <https://azbyka.ru/prihod> [Дата обращения] 01.11.2024.

При этом исследовательские вопросы наших предшественников чаще касаются индивидуального опыта вхождения и нахождения в общине, нежели направлены на раскрытие социальных процессов воспроизводства самого сообщества как такового. На наш взгляд, именно такая перспектива позволяет увидеть нечто новое в специфике социального опыта, который люди приобретают внутри Церкви, и также несут «вовне».

Таким образом, новизна нашего исследовательского подхода состоит в том, что мы рассматриваем не признаки индивида по отношению к приходу, но признаки самого прихода как сообщества, воспроизводящегося посредством социальных процессов, доступных для наблюдения.

Концептуально мы опираемся на дюркгеймианскую теорию общества [Дюркгейм, 2018], переосмысленную изнутри эмпирической реальности в течение многолетней этнографической работы вкупе с социологической аналитикой [Врублевская, 2013; 2015; 2016а; 2016б; Орешина и др., 2018; Юдин* и др 2020].

В поздней работе Эмиля Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» (1912) центральное место отведено рассмотрению фундаментальной социальной функции солидаризации членов сообщества вокруг коллективных представлений о себе самих и окружающей действительности. Отталкиваясь от антропологических и философских источников, Дюркгейм предполагает, что механизм и ключ коллективной солидарности скрывается в оболочке религиозного культа. Механика религиозного культа состоит в повторяющихся коллективных практиках (ритуалах), а ключом к запуску этого механизма являются коллективные представления (верования) о фундаментальном разделении феноменов мышления на две категории сакральное/профанное.

Согласно социологическому взгляду, некоторые феномены становятся сакральными (сакрализируются), потому что оказываются принципиально важными для установления и поддержания социального порядка коллективной жизни. Например, через категорию сакрального можно рассматривать и описывать наблюдаемые общественные тренды. Таким образом, сакральное носит не абсолютный и не универсальный характер, а всегда зависит от социально-исторических обстоятельств, кристаллизуется в потоке общественной жизни и бытует в коллективном (надиндивидуальном, интерсубъективном) сознании. Это означает, что сакральное, а именно его репрезентации, проявления, природа и суть, определяется и регулируется (в качестве табу, правил и санкций) самим коллективом (в самом широком смысле — обществом, которое объединяет поколения ныне живущие

* Признан Минюстом РФ иностранным агентом.

и предшествующие). В этом смысле всё, что начинает функционировать в сообществе аналогичным образом, имеет потенциал стать (религиозным) культом и обрести ключевое социальное значение. Верно и обратное: как только культ теряет свою функциональность, он превращается в «пустую форму» и отмирает.

Исходя из этой логики, сам факт, что православные приходы продолжают своё существование и наполняются людьми, свидетельствует о том, что внутри них происходят значимые социальные процессы, способствующие поддержанию коллективной солидарности. Вместе с тем невозможно отрицать, что не все православные приходы в сопоставимой степени солидарны. Дело в том, что приходская церковь сама по себе — как формальная организация — является скорее средой, в которой не обязательно, но с высокой степенью вероятности зарождается и развивается особая форма общественной жизни. Отсюда возникает следующий вопрос: Почему в одном случае среди прихожан проявляется общность, а в другом она незаметна?

Мы предполагаем, что механизмы коллективной солидарности внутри приходских сообществ превосходят исключительно ритуальную составляющую православия и могут быть весьма вариативными. Следовательно, социальные процессы, на которые стоит обращать внимание с точки зрения их значения для жизнедеятельности сообщества единоверцев, совершенно не обязательно носят выраженный церковный характер или являются специфическими для православной религии³. Это предположение вытекает из предыдущих эмпирических исследований, позволяющих заключить следующее: во-первых, люди внутри приходских сообществ по целому ряду социальных параметров отличаются от тех, кто идентифицирует себя с православием, но не является постоянным прихожанином — следовательно, в приходской среде люди приобретают нечто большее, помимо принадлежности к православной религии [Забаев и др., 2013]. И во-вторых, согласно результатам массового опроса россиян в 2020 году, порядка 23% из тех, кто ходит в церковь, мотивируют это не строго религиозными, а скорее социальными причинами, например: «церковь даёт мне возможность участвовать в добрых делах», «мои родители ходят или ходили в церковь», «это помогает воспитывать детей» и др. [Забаев и др., 2022].

Исходя из этого, наша исследовательская оптика настроена не на религиозно-маркированные феномены как таковые, но на всевозможные взаимодействия и отношения, пронизывающие приходскую

³ Дальнейшее развитие проекта наоборот перешло к рассмотрению сугубо богослужебных практик, а именно, таинства исповеди, как конституирующего элемента приходской общины. Подробнее см.: [Электронный ресурс] <http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/confession> [Дата обращения] 01.11.2024.

жизнь, а также на социальные структуры, ими воспроизводящиеся. Смена ракурса с индивида на сообщество и смещение перспективы с религиозно-маркированных признаков на социально-значимые подразумевает рассмотрение следующих категорий:

- Границы сообщества (человеческий состав и объем), а также проницаемость для новых и внешних **людей**
- **Практики**, поддерживающие коллективную солидарность («ритуалы»)
- Процессы, опосредованные **идеями** и материальными объектами (**вещами**), через которые сообщество воспроизводит себя

Переводя эти категории на язык эмпирической реальности, мы получаем несколько аспектов сообщества, подлежащих пристальному рассмотрению: люди, практики, идеи, (выражаемые словесно) и вещи (как материальные объекты).

В попытках ухватить различия в том, как именно все эти аспекты проявляются в конкретных случаях искомым образом, наша исследовательская команда коллегиально пришла к метафоре «живого» прихода. «Живой» приход звучит интуитивно понятно в социально-культурном контексте и уместно по предполагаемому исследовательскому замыслу. Эта метафора стала ведущей для выделения и называния признаков, с которыми мы выбрали соотноситься в анализе социальных процессов, наблюдаемых в приходах. Так, в нашей логике, «живое» характеризуется следующими признаками: постоянно меняется (рост), существует как нечто целостное с высокой степенью автономии в окружающем мире (слаженность), испытывает на себе негативные воздействия и реагирует на них (болезнь), оказывает влияние на окружающий мир, что-то создает и производит (избыточность), стремится продолжить своё существование и транслирует свой особый «код» (преемственность).

Пересечение аспектов сообщества из дюркгеймианской традиции, с одной стороны, и эмпирически-инициированных признаков «живого» прихода, с другой — сложилось в концептуальную матрицу (Табл. 1).

Содержательное наполнение этой матрицы — лишь одна из возможных версий по итогам анализа большого объема эмпирических данных о православных приходах.

Здесь представлен довольно широкий спектр социальных процессов воспроизводства православного прихода как живого сообщества, при этом не исчерпывающий и не окончательный. Само собой, вовсе не обязательно в каждом приходском сообществе возможно наблюдать одновременно всё из перечисленного. При этом мы убеждены, что эта матрица успешно схватывает ту самую бурлящую жизнь, которую зачастую бывает сложно описать концептуально в её пол-

ноте. Таким образом, предложенная концептуализация позволяет рассматривать приходские реалии в многомерном континууме «живости» и оценивать жизнь отдельного сообщества в многообразии возможных проявлений.

Выводы исследования

Эмпирическое исследование в рамках проекта «Живые сообщества» осуществлялось в два этапа: с августа 2021 до июля 2022 и с февраля 2023 по март 2024. Каждый этап включал в себя серию этнографических экспедиций в различные населённые пункты Российской Федерации, где исследователи посещали православные приходы, проводили этнографические наблюдения и интервью. Всего удалось посетить 57 приходов из 13 епархий РПЦ на территории 10 регионов страны (Калининградская, Свердловская, Самарская, Тверская, Ростовская, Омская, Томская, Ярославская, Воронежская области и Хабаровский край). Среди наших 200 информантов — священники, социальные работники, добровольцы прихода и приходские активисты.

В исследовательских экспедициях мы стремились собрать обширную информацию об устройстве и функционировании конкретных приходов как сообществ — в первую очередь, методом включенного наблюдения, выборочного интервьюирования и формализованного опроса, а также частично из доступных источников (в том числе СМИ и социальных сетей).

Групповая интерпретация эмпирического материала — в основном документальным методом и посредством текстового анализа — следовала в двух направлениях: 1) описание приходов с точки зрения аспектов сообщества (люди-практики-идеи-вещи) и обнаружение повторяющихся, типичных проявлений и взаимосвязей; 2) описание сложных социальных процессов, встречающихся в приходах, во всей их уникальности и в отношении к признакам «живого». При этом мы оставляли место удивлению и старались не закрывать глаза на то многое, что оказывалось за рамками наших предположений и концептуальной матрицы.

В данном тексте я представляю первичные результаты совместной работы в рамках проекта «Живые сообщества», при этом все допускаемые неточности — исключительно моя личная ответственность.

Таблица 1

Аспекты сообщества	Люди	Практики	Идеи	Вещи
Признаки «живого» прихода				
Рост	увеличение размера общины открытие ставок для разных сотрудников	полный график богослужений наращивание оборотов материальных ресурсов (церковная лавка, организация паломниче- ских поездок, проч.)	развитие добровольных инициатив, создание проектов преумножение и преобразование того, что уже есть	строительство и благоустройство (инфраструктура, придворовая территория)
Слаженность	личные знакомства	совместная трапеза неформальное общение дарообмен	взаимные представления о жизни друг друга	списки контактов, общие чаты
Болезнь	конфликтные и критические ситуации	информирование открытые обсуждения совместный поиск решений	авторитет настоятеля принципы милосердия и человеколюбия	материальная и физическая помощь, сборы средств формальные договорённости

Избыточность	образование семей и рождение детей внутри общины	венчания, крещения, крестное родство	сводничество и сватовство культивирование родительства совместная забота о младших	домашние детские сады, досуговые центры, семейные лагеря
	расширенная сеть контактов	сотрудничество с другими общинами и организациями	открытость к внешним контрагентам включённость в локальное сообщество	освещение в светской (локальной) хронике приглашения в нецерковные учреждения, организации и на мероприятия
Преемственность	дети и подростки в храме воспитание новых священников	праздники, традиционные события и встречи	общая история, свои «легенды» и «герои»	воскресная школа фотографии, памятные подарки, торжественные бумаги (благодарности, грамоты)

Крепкое ядро и проницаемая оболочка

Как выяснилось в ходе нашего исследования, наиболее выпуклым признаком живого прихода, доступным для внешнего наблюдателя, является **слаженность**. Уделим внимание рассмотрению проявлений именно этого признака.

В самом первом приближении православные приходы принципиально различаются по проявлениям признака **слаженности** как достаточной **автономности** во внешнем мире при взаимосвязанности элементов внутри, то есть **целостности**. На одном плесе в континууме проявлений слаженности находится так называемый «замкнутый» приход, чья жизнедеятельность направлена преимущественно на самоё себя. Для замкнутого прихода характерна ярко выраженная семейственность и высокий порог входа для новых людей, что обеспечивается своими особыми правилами и традициями. Такое приходское сообщество в высшей степени целостно и автономно, настолько, что для людей, которые оказались внутри, теряет значение всё, что осталось снаружи. В нашей логике «живого» прихода такие проявления значительно осложняют проявление других признаков и, значит, не обеспечивают жизнеспособность сообщества.

На другом полюсе располагается «размытый» приход, в котором практически отсутствуют стабильные контакты между людьми и не наблюдаются взаимозависимости между различными видами приходской деятельности. Взаимодействия в целом носят случайный характер и в высокой степени индивидуалистичны (то есть строятся вокруг услуг по принципу рыночного обмена). Можно сказать, что приходское сообщество такого типа лишено слаженности, что сразу ставит под вопрос возможности для проявления прочих признаков «живого». Фактически, «размытый» приход живет исключительно в логике формальной организации, а не коллективной солидарности.

Безусловно, каждый из этих типов достоин дальнейшего изучения, но в соответствии с актуальными исследовательскими вопросами мы ограничимся рассмотрением того типа приходов, в которых слаженность проявлена умеренным образом: с одной стороны, прихожане испытывают чувство принадлежности и активно вовлекаются в приходскую жизнь, а с другой стороны, приходское сообщество остаётся гостеприимным для внешних людей и во многих своих действиях ориентировано вовне. Проще говоря, нас интересует приходское сообщество с крепким ядром и проницаемой оболочкой. Именно такое сочетание проявлений слаженности выглядит наиболее жизнеспособным, поскольку включает в себе потенциал раскрытия других признаков живого: роста, избыточности и преемственности.

Как оказалось, приходские сообщества такого типа являются скорее исключительными на фоне довольно большого числа приходских церквей, в которых признаки «живого» проявляются слабо или вовсе

отсутствуют. На данный момент мы воздерживаемся от рассмотрения тех сложностей, которые теоретически или практически препятствуют поддержанию здорового баланса в проявлениях слаженности, но отметим, что они совершенно точно имеют место и вот почему. Дело в том, что всё живое одновременно стремится к сохранению себя и к некому развитию/расширению. Для сообщества это складывается в следующий парадокс: оно должно быть сплоченным внутри и в то же время оставлять возможность постоянного прибавления и обновления своего состава, то есть, по сути, постоянно пересобираться, но при этом сохранять континуальность. Сложности поддержания баланса слаженности связаны именно с этим парадоксом, поскольку его необходимо — неочевидным образом — преодолевать. И хотя мы обнаружили реальные социальные процессы, которые успешным образом воспроизводят эту слаженность вкупе с другими признаками живого, всё же вполне объяснимо и то, что в большинстве случаев приходская община оказывается или неспособной к расширению (замкнутый приход) или, оказываясь чрезмерно подверженной влиянию окружающего мира, теряет самоё себя (размытый приход).

Кроме того, мы признаем, что среда обитания изучаемых приходов оказывает влияние на протекающие в них социальные процессы и формирует совершенно разные условия для жизнедеятельности сообществ. И всё же, несмотря на различия по типу населённого пункта и численности жителей, месторасположению и транспортной доступности конкретной приходской церкви, а также невзирая на человеческий фактор (характеристики священноначалия и социально-демографический состав прихожан), нам удалось выявить несколько устойчивых социальных процессов, которые воспроизводят живое сообщество в контексте православного прихода:

- **Цепочки дарообмена.** Выход за пределы рыночной логики обмена, круг равных в помощи (движение услуг обоюдостороннее и добровольное).
- **Укоренение на местности.** Связи с местными властями (сотрудничество), освоение территории (локальная идентичность), социальная работа за церковной оградой (участие в судьбе местного населения).
- **Удержание разнообразия.** Творческая самореализация, принятие других и предоставление возможности каждому заниматься своим делом (принцип «разным занятиям есть место»).

По сути, эти социальные процессы выполняют две взаимосвязанные функции, принципиальные для становления и поддержания живого сообщества: переход от индивидуального сознания (Я) к коллективной солидарности (МЫ). Однако примечательной особенностью таких социальных процессов является то, что они позволяют поддерживать баланс слаженности (целостность — автономия) сообщества, поскольку так же преодолевают значимость

оппозиции «свой»/«чужой», то есть преобразуют отношение приходского сообщества к внешним людям (ОНИ) как к тем, с кем возможно иметь что-то общее (ВЫ), то есть расширяться, — оставаясь на безопасной дистанции — и сохранять собственную целостность.

Представленные выводы, само собой, требуют углублённого анализа и описания. На данный момент мы продемонстрировали применение оригинальной концептуализации к рассмотрению православных приходов под новым углом зрения, отметили некоторое количество тем и более точечных вопросов для дальнейшей исследовательской работы, в чём и состояла цель данного текста.

Дискуссия: при чём тут православие?

По-хорошему, мы смотрим на людей в полноте их существования, а не только с интересом к той части их жизни, которую можно только очень условно маркировать как религиозную. В силу рациональных ограничений методологического толка, мы всегда вынуждены оставлять за рамками множество параметров, обстоятельств и факторов, но и конвенциональный, банально-обывательский взгляд на прихожанина как человека с тремя-пятью характеристиками вроде частоты посещения церкви и знания Символа веры нам не подходит.

По заветам социального конструктивизма, для настройки собственно исследовательской оптики нам необходимо развить религиозность в том понимании, которое принадлежит здравому смыслу. Именно этому принципу мы старались следовать, изучая православные приходы как социальную среду, в которой с высокой степенью вероятности зарождается некая общинная жизнь. Мы убедились, что с точки зрения социальных процессов, воспроизводящих эту жизнь, приходские сообщества действительно похожи друг на друга. И теперь самое время задаться вопросом о том, что же такое специфическое лежит в фундаменте тех практик и идей, за счет которых поддерживается жизнеспособность сообщества православных прихожан? Можно ли распространить эти практики и идеи за пределы непосредственно приходской среды? Могут ли «люди из Церкви» как носители особого социального опыта, транслировать его вовне?

На следующем шаге нам предстоит понять, в чём заключается моральное (или духовное) измерение приходских сообществ, которые мы идентифицировали и описали как «живые». Это означает новый виток обращения к теории для концептуализации выделенных нами признаков живого прихода в категориях сакральное/профанное с тем, чтобы затем снова вернуться в стены эмпирики и услышать знакомое эхо.

Литература

1. Врублевская, П. Исследуя церковную общину в малом городе: роль священника и другие аспекты православной общинности // *Laboratorium*. 2015. Т. 7. № 3. С. 129–144. DOI: 10.25285/2078-1938-2015-7-3-129-144.
2. Врублевская, П. Круговорот детских вещей в приходской церкви: к вопросу о значении дарообмена // *Религиоведческие исследования*. 2016. № 1(13). С. 103–127. DOI: 10.22250/2072-8662.2016.1.103-127.
3. Врублевская, П. О грядущих основаниях солидарности: религия и мораль в социологической теории Эмиля Дюркгейма // *Вестник ПСТГУ*. I. 2016а. Т. 4(66). С. 67–83. М.: Изд-во ПСТГУ. DOI: 10.15382/sturl201666.67-83.
4. Врублевская, П. Порядок смысловой системы православия через изучение ритуала венчания // *Социология власти*. 2013. № 1–2. С. 99–110. М.: РАНХиГС. DOI: 10.22394/2074-0492-2013-1-2-99-110.
5. Дивисенко, К. С., Дивисенко, О. В. Социальное измерение религиозности: опыт эмпирического исследования // *Петербургская социология сегодня*. 2017. № 8. [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-izmerenie-religioznosti-opyt-empiricheskogo-issledovaniya> [Дата обращения] 02.08.2024.
6. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с франц. В. В. Земсковой; под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018.
7. Забаев, И., Пруцкова, Е., Орешина, Д. Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследование с помощью методов социально-сетевого анализа // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2014. Т. 1(32). С. 40–66. DOI: 10.22394/2073-7203-2014-1-40-66.
8. Забаев, И., Мелкумян, Е., Павлюткин, И., Пруцкова, Е., Орешина, Д. Влияние религиозной социализации и принадлежности к общине на рождаемость. Постановка проблемы // *Демоскоп Weekly*. 2013. Вып. 553.
9. Забаев, И. В., Пруцкова, Е. В., Маркин, К. В. Церковная социальная работа глазами россиян и социальных работников Русской Православной Церкви // *Христианское чтение*. 2022. С. 139–153.
10. Кормина, Ж. В., Панченко, А. А., Штырков, С. А. Социальные исследования религии: теория, методы и опыт // *Антропологический форум*. 2017. № 35. С. 129–166. DOI: 10.31250/1815-8870-2017-13-35-129-166.
11. Куропаткина, О. В. Религиозные общности в современной России и их консолидирующий потенциал: предварительные выводы. Доклады Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Вып. 3. М.: Научный эксперт, 2013. 48 с.
12. Орешина, Д., Врублевская, П., Забаев, И., Павлюткин, Е. «Партнерский приход»: сотрудничество священников и мирян в развитии социальной деятельности в приходах РПЦ в начале XXI века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018.
13. Приход и община в современном православии: корневая система Российской религиозности / Под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М.: Весь мир, 2011.
14. Пруцкова, Е. В. Куличи и/или причастие: типология православных верующих, участвующих в освящении пасхальной пищи // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018. № 2. С. 243–260. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.14.
15. Пруцкова, Е. В., Маркин, К. В. Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности // *Социологические исследования*. 2017. № 8. С. 95–105. DOI: 10.7868/S0132162517080090.
16. Юдин*, Г., Врублевская, П., Емельянов, Н., Забаев, И., Колошенко, Ю., Орешина, Д., Зуева, А. Жизнь в долг: моральная экономика долговых практик в жизни сообществ в России. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020.
17. Ammerman, N. *Congregation and Community*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1997.

18. Lovell, G., Widdecombe, C. Churches and Communities: An Approach to Development in the Local Church. London: Search Press, 1978.
19. Miller-McLemore, B.J. (ed.). The Wiley Blackwell Companion to Practical Theology. John Wiley & Sons, 2011.
20. Sider, R.J., Unruh, H.R. Saving Souls, Serving Society: Understanding the Faith Factor in Church-Based Social Ministry. New York: Oxford University Press, 2005.
21. VanderWeele, T.J. Religious Communities and Human Flourishing // Current Directions in Psychological Science. 2017. Vol. 26. No. 5. P. 476–481. DOI: 10.1177/0963721417721526.
22. Woodhead, L., Guest, M., Tusting, K. Congregational Studies: Taking Stock // Congregational Studies in the UK. Routledge, 2017. P. 21–44.

Polina Vrublevskaya

Orthodox Parish in Sociological Perspective: Echo of Theory within the Walls of Empirics

Polina Vrublevskaya — MA in Sociology (University of Manchester), research fellow at “Sociology of Religion” group (St. Tikhon’s Orthodox University). **E-mail:** pvrublevskaya@gmail.com.

Abstract: The parish is the basic yet the most significant level of social organization of the Russian Orthodox Church, since an individual personally encounters religion there and, further, develops a sense of belonging to the Church as a whole. However, empirical research shows that each parish is special in how it functions and how it is operated. In this vein, there is a need for a solid sociological conceptualization of empirical variations.

This paper follows a decade of research work by the Sociology of Religion group and suggests a conceptualization of parish as a community. This conceptual model takes into account both the fundamentally general and the variable-specific elements, which makes it applicable for case-study of parishes and also allows comparison of the collected observations at the analytical level.

Keywords: Russian Orthodox Church, parish, community studies

References

1. Vrublevskaya, P. (2015) Exploring a Church Community in a Small Town: The Role of the Priest and Other Aspects of Orthodox Communitality. *Laboratorium*. Vol. 7. No. 3. P. 129–144.
2. Vrublevskaya, P. (2016b) Circulation of Children’s Items in a Parish Church: On the Question of the Significance of Gift Exchange. *Religious Studies*. No. 1(13). P. 103–127.
3. Vrublevskaya, P. (2016a.) On the Future Foundations of Solidarity: Religion and Morality in Émile Durkheim’s Sociological Theory. *Bulletin of PSTGU*. I. Vol. 4(66). P. 67–83.

4. Vrublevskaya, P. (2013) The Order of the Meaning System of Orthodoxy Through the Study of the Wedding Ritual. *Sociology of Power*. No. 1–2. P. 99–110. Moscow: RANEPa.
5. Divisenko, K.S., Divisenko, O.V. (2017) Social Dimension of Religiosity: An Empirical Research Experience. *St. Petersburg Sociology Today*. No. 8.
6. Durkheim, É. (2018) *The Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia*. Translated from French by V.V. Zemskova; edited by D. Yu. Kurakin. Moscow: Elementary Forms.
7. Zabaev, I., Prutskova, E., Oreshina, D. (2014) The Social Capital of Russian Orthodoxy in the Early 21st Century: A Study Using Social Network Analysis Methods. *State, Religion, and Church in Russia and Abroad*. Vol. 1(32). P. 40–66.
8. Zabaev, I.V., Melkumyan, E., Pavlyutkin, I., Prutskova, E., Oreshina, D. (2013) The Impact of Religious Socialization and Community Membership on Birth Rates: Problem Statement. *Demoskop Weekly*. Issue 553.
9. Zabaev, I.V., Prutskova, E.V., Markin, K.V. (2022) Church Social Work Through the Eyes of Russians and Social Workers of the Russian Orthodox Church. *Christian Reading*. Pp. 139–153.
10. Kormina, Z.V., Panchenko, A.A., Shtyrkov, S.A. (2017) Social Research of Religion: Theory, Methods, and Experience. *Anthropological Forum*. No. 35. P. 129–166.
11. Kuropatkina, O.V. (2013) *Religious Communities in Modern Russia and Their Consolidation Potential: Preliminary Findings*. Reports of the Center for Problem Analysis and State-Administrative Projecting. Issue 3. Moscow: Nauchny Expert.
12. Oreshina, D., Vrublevskaya, P., Zabaev, I., Pavlyutkina, E. (2018) “Partner Parish”: Collaboration Between Priests and Laypeople in the Development of Social Activities in ROC Parishes in the Early 21st Century. Moscow: PSTGU Publishing.
13. *Parish and Community in Contemporary Orthodoxy: The Root System of Russian Religiosity* (2011) Edited by A. Agadzhanian, C. Rousselet. Moscow: Ves Mir.
14. Prutskova, E.V. (2018) Easter Cakes and/or Communion: Typology of Orthodox Believers Participating in the Blessing of Easter Food. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 243–260.
15. Prutskova, E.V., Markin, K.V. (2017) Typology of Orthodox Russians: The Problem of Constructing a Generalized Index of Religiosity. *Sociological Studies*. No. 8. P. 95–105.
16. Yudin, G., Vrublevskaya, P., Emelyanov, N., Zabaev, I., Koloshenko, Y., Oreshina, D., Zueva, A. (2020) *Life on Credit: The Moral Economy of Debt Practices in Communities in Russia*. Moscow: PSTGU Publishing.
17. Ammerman, N. (1997) *Congregation and Community*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
18. Lovell, G., Widdecombe, C. (1978) *Churches and Communities: An Approach to Development in the Local Church*. London: Search Press.
19. Miller-McLemore, B.J. (ed.) (2011) *The Wiley Blackwell Companion to Practical Theology*. John Wiley & Sons.
20. Sider, R.J., Unruh, H.R. (2005) *Saving Souls, Serving Society: Understanding the Faith Factor in Church-Based Social Ministry*. New York: Oxford University Press.
21. VanderWeele, T.J. (2017) Religious Communities and Human Flourishing. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 26. No. 5. P. 476–481. DOI: 10.1177/0963721417721526.
22. Woodhead, L., Guest, M., Tusting, K. (2017) Congregational Studies: Taking Stock. In: *Congregational Studies in the UK*. Routledge. C. 21–44.